Суд

Автор:
Михаэль Бабель

Суд

Михаэль Бабель

Покушение на меня сделали 6 июля 2003 года. Жалобу о покушении полиция не приняла. Тогда президентом был праведник, потребовал, чтобы приняли. Спросил известного адвоката, что будет от моей жалобы. Ответил, что через много лет будет ответ-пустышка. Прошло 16 лет – это много? Почти поколение. До второго покушения не терпелось, и в 2005-6 годах сделали суд надо мной по ложному обвинению. Суд оправдал меня, но государственный прокурор потребовал три года. На этом суд затих, но не закрыт. Прошло 13 лет – это много? Больше половины поколения.Содержит нецензурную брань.

Работа художника Альберт Змора (Израиль) специально для этой книги.

Лист 1

От инквизиции до израильского кэгэбэ – нет нового: «Дайте человека – дело будет».

Обвинение 1

«13.1.2005.

Гражданский суд Иерусалима.

Судье.

Государство приговорило меня к смерти через покушение 6.7.2003.

Без суда.

Метод государства кэгэбэ.

Жалоба о покушении государства на меня находится у офицера по жалобам общественности иерусалимского района.

Я тоже приговорил государство в своих книгах к смерти через обвал к 2018 году.

Государство не обвиняет меня по существу, а шьёт дело.

Метод государства кэгэбэ.

У государства нет терпения подождать немного до покушения 2, для приличия, после провала покушения на меня, и применяет свои средства: кулаки, провокации, угрозы, топтунов-провокаторов.

У меня тоже нет терпения ждать до 2018 года, я тоже применяю свои средства – книги.

Диссидент в лапах кэгэбэ.

Государство тянет меня в суд, дело 004726/04. Прокурорша сообщает суду о жалобе на меня, но не сообщает, кто автор жалобы. Вот он – автор жалобы: Дмитрий Сандлер, душевнобольной, его дело в институте государственного страхования. Мне известно об одной его жертве (а что известно полиции?): попытка убить жертву, дело 10373/02 о задержании под арестом, уголовное дело 06440/02. Заключение психиатра о его жертве: тяжёлая травма жертве насилия.

Но настоящий автор, не только жалобы, но и этого судебного процесса, как и всего, что творится в государстве, – кэгэбэ.

Почерк судебных процессов кэгэбэ.

Полицейские обвиняют, что я напал на автора жалобы и угрожал ему. Эти полицейские 5.12.2002 украли мой пистолет, который я сдал на хранение при входе в полицейский участок Мория. Пистолет был у меня 30 лет. После этого воровства я стоял возле полиции с транспарантом "Полиция Мории – жулики и бандиты". Они задержали меня, угрожали арестом, глумились надо мной.

Руки людей кэгэбэ.

Полицейская обвиняет: "Он хочет резать автора жалобы на куски, если будет возможность". Я же сказал: "Если суд вынесет смертный приговор, моя рука будет первой на нём".

Прокурор обвиняет: "В телефонном разговоре угрожал прокурору, который был в конторе". Это тот прокурор, который позвонил и объявил, что закрывает дело. Есть дело?! Открывают-закрывают дела по потребности? Так убивают! С таким делом просто исполнить покушение 2, и сказать, что это преступные разборки, и на счёт этого дела списать также покушение 1! Не сказал ему «спасибо», кричал в трубку, что они убийцы.

От инквизиции до израильского кэгэбэ – нет нового: "Дайте человека – дело будет".

Я тоже тяну государство в суд, который начался и закончится в 2018 году. Я или кто-то (можно уничтожить меня, но не мои книги) подаст эти книги как обвинительный акт: Система кэгэбэ в государстве.

Прокуратура, полиция, суд, средства связи и т.д. и т.п. – всё кэгэбэ.

Государство кэгэбэ угрожает моему Израилю и "Моему Израилю" – главной книге моей жизни.

Другое похожее государство повалилось после семидесяти лет. И это государство повалится после семидесяти лет – в 2018-ом.

Просто. Понятно. И без помощи полицейских, прокуроров, судей, адвокатов – они лжецы, воры и бандиты в законе – щит и меч расстрельного государства: подготавливают преступника, закрывают его дела, заводят дела на меня и

открывают суд, вешают преступнику покушение на меня в обмен на обещания. И под маской преступных разборок скрывают, что государство убивает меня, мои мысли, мои книги.

Это суд кэгэбэ.

Не иду в суд кэгэбэ.

Иду своей дорогой: счастлив человек, который по совету советских не ходил, на пути большевиков не стоял и в собраниях кэгэбэ не сидел. (Из псалмов царя Давида – под сегодняшний день.)

Возьмут меня лежачим.

И приговор меня не интересует.

Расправа со мной – приближает обвал.

Это утешает.

Книги мои будут жить.

А государство кэгэбэ до 2018 года.

Не сказал и слова в свою защиту, потому что это не акт защиты.

Это обвинительный акт.

Мои книги убеждают, что дела, суды, расправы, покушения – причитаются мне в государстве кэгэбэ.

Сделан первый лист обвинения».

Лист 2

А для маскировки кэгэбэ назначают государственного контролёра с правами меньшими, чем у автобусного контролёра.

Обвинение 2

Чекист, который следил за мной и не только за мной в 1972-1973 годах перед моим выездом из России, отслеживал меня много лет и здесь. Это был перевод чекиста в рамках одного кэгэбэ? Или в рамках дружественных кэгэбэ?

Его выводили всегда идущим мне навстречу. В последнее время шёл прямо на меня, ухмылялся, я от него в сторону шоссе – под машины с полными сумками с рынка. А в последний раз бежал за мной.

– Не тяжело? – ухмылялся на мои сумки.

– А тебе не тяжело ходить в чекистах? – ответил на бегу и – прямо в поток машин. А он по спине рукой провёл – так делали топтуны в России.

Почему не врезал по его роже? А снимки будут. Сошьют дело об угрозах и нападении. Можно сшить и с фотографией побега – мол, сбежал после угроз и нападения.

19.12.2004 подал в полицию на «Русском подворье» жалобу (дело 153497/2004) на этого чекиста, а там говорят: «А как его найти?»

И не найдут топтуна Валерия Коренблита. Найдут только свидетеля для суда надо мной Валерия Коренблита.

Обвинение 3

Чекист, который следил за мной постоянно, два года назад ломился в мою квартиру со словами об их товарище по кэгэбэ – Дмитрий Сандлер, его имя общественность узнала только через год, когда сшили дело 004726/04 и пригласили меня в суд на 1.3.2005, а я открытым письмом судье огласил это дело. Грудью остановил его в дверном проёме. Почему не спустил с лестницы? Сошьют дело о нападении и угрозах. Можно сшить и без фотографий, по записи звуков человеческого пыхтения и шарканья ног.

И не найдут топтуна Евгения Могилевского. Найдут только свидетеля для суда надо мной Евгения Могилевского.

Обвинение 4

22.12.1997 чекисты устроили мне засаду возле Кнессета в «Парке роз». Двое били, один фотографировал и двое стояли за свидетелей, один из них отслеживал меня годами. Били моего спасителя, били и ногами по яйцам, он прикрыл меня своим телом. Если бы били меня, то сшили бы дело о нарушении общественного порядка. Чекистский судья не усомнится в показаниях чекистских свидетелей и их фотографий, где я машу руками, защищаясь.

И не найдут топтуна – Льва Юдайкина. Найдут только свидетеля для суда надо мной Льва Юдайкина.

Обвинение 5

31.12.1999 чекист, знакомый по общественным демонстрациям, догнал меня на улице и предложил: «Пора браться за оружие». Стой или иди, отвечай или молчи – снимки сделаны, голос записан. Сошьют дело о заговоре. Можно сшить и за недоносительство.

Когда начали шить дела мне, пошёл в кэгэбэ и стукнул на заговорщика-провокатора. Жалобу не приняли, сказали, что «сейчас все так говорят».

Сказал бы я так!

И не найдут топтуна Исраэля Горелика. Найдут только свидетеля для суда надо мной Исраэля Горелика.

Эти страницы обвинений не подам в качестве жалобы тем, кто преследует меня, ведь никого не найдут по жалобе о покушении на меня 6.7.2003.

Все жалобы спишут на разборки между преступниками, а преступнику ещё и влепят.

Писать жалобы в кэгэбэ на кэгэбэ?

Великий русский писатель Александр Зиновьев, прекрасно знающий кэгэбэ, свидетельствовал 25 лет назад, что невозможно доказать даже в европейском демократическом суде причастность кого-либо к русскому кэгэбэ по причине мёртвой тайны кэгэбэ.

Я же свидетельствую, что невозможно доказать в израильском суде причастность кого-либо к кэгэбэ, потому что всё причастно к кэгэбэ и суд в том числе.

Потому что всё здесь, как и там, построено большевиками, а они умеют делать хорошо только одно – кэгэбэ.

И это они сделали умело – лучше старшего брата.

А для маскировки кэгэбэ назначают государственного контролёра с правами меньшими, чем у автобусного контролёра.

То есть государству не избежать обвала, как не избежала Россия.

Не бояться кэгэбэ – быть чистым перед Б-гом.

Не молчать о кэгэбэ – быть чистым перед собой.

И снова, как 35 лет назад, – вперёд по тропе.

Русский писатель не знал о предстоящем обвале – видел на своей родной земле государство кэгэбэ прочным и вечным.

Но еврей знает, что этим тёмным силам Всевышний отпускает не больше семидесяти лет.

Сделан ещё лист обвинения.

Лист 3

Про облучение топтун догадывается со временем, узнав, что случилось с его подопечными.

Обвинение 6

Чекиста выводят на меня от улицы Агрипас, когда я иду от улицы Яффо по главному проходу рынка. Встреча неизбежна в узком проходе между духанами. А если встреча не состоялась в главном проходе, чекист находит меня внутри моего духана справа, и, пока я отбираю с лотков фрукты-овощи, мы разговариваем.

– Ты смотри, что вытворяет кабан, – начинает топтун.

Мои руки наполняют мешочки. Его руки в карманах курточки управляют прибором, облучающим меня. Техника записи разговора так совершенна, что не требует рук вообще, но техника облучения – сложнее. Про облучение топтун догадывается со временем, узнав, что случилось с его подопечными.

Что случается с чекистами, ему нельзя догадываться.

Его же информируют, что прибор принуждает говорить правду.

Но даже с облучающим прибором мог бы, хотя бы для вида, держать в одной руке мешочек яблочек – мол, детишкам. Иначе со второго раза понятно, что он топтун, а с третьего – что убийца.

– Да он же диктатор! – кричу правду о кабане, радуя чекиста, и прыгаю к другому лотку, подальше от облучения.

Не его вина, что видно убийцу; виноваты стоящие над ним убийцы – пару шекелей на реквизит жмут, даже мешочек с бутафорскими яблочками и то приличнее, чем ничего.

– Ой! Ты понял о ком? – кричит чекист, благодарный, что достал меня облучением.

Как были благодарны топтуны в том кэгэбэ, когда мы большой компанией усаживались в ресторане, а у них неожиданно открывалась возможность гульнуть на счёт своего ведомства. Официанты, узнав их, быстро накрывали отдельный стол в конце зала и успевали обслужить всех топтунов: и тех, кто начали есть вместе с нами, и тех, кто в это время опекали нас. А если после мы заходили ещё и в кафэ-мороженное, то можно было поймать благодарные взгляды топтунов от их стола к нашему столу.

– Советский диктатор! – кричу святую правду, взрывая топтуна, и прыгаю в укрытие за следующий лоток.

И продолжаю быстро отовариваться. Выглядываю оценить эффект взрыва. Топтун стоит ко мне спиной, скрючился, только локти ходят, значит, неполадки с облучением от взрыва радости.

– Ты догадался? Правда? – в детском восторге кричит топтун, ремонтируя внутри себя и ища меня.

– Убийца он! – кричу правду и только правду, оглушая топтуна.

И замираю, не шевелюсь в укрытии. Никакого ответа. Только шум рынка и крики торговцев. Выглядываю.

Топтун стоит посреди духана, обалдел от радости, руки не в карманах курточки, а по швам – заставил меня говорить правду и только правду.

Отступаю к кассе и демонстрирую своё поражение – вынимаю из загашника что поприличнее и бросаю к ногам победителя:

– Сколько евреев убито при нём!

Топтун счастлив. Великодушно улыбается, но душа его просит ещё. А я не умею отказывать людям.

– Он своё получит! – кричу топтуну.

Но счастливчику всё мало.

– У-у-у! – машу кулаком в воздухе.

Заворожен большой своей удачей – ему и этого мало.

Хватаю свои сумки и бегом.

Снимки сделаны, голос записан. Сошьют дело о подстрекательстве и мятеже.

И не найдут топтуна Лейба Шварцмана. Найдут только свидетеля для суда надо мной Лейба Шварцмана.

Нашёл его телефон, позвонил, спросил:

– Не возражаете, если я воспользуюсь вашим сравнением «кабан»?

Он не возражал и стал объяснять, почему он употребляет кабан, а не свинья. Мне это было без разницы, я раскланивался, а он быстро говорил:

– Я ещё называю его «шарик».

И начал объяснять, почему шарик. Я выключил телефон.

Кру-тится, вер-тится шар голубой.

Круу-тится, вее-ртится над головой.

Ещё лист обвинения.

Лист 4

Сколько денег угробили чекисты, чтобы дать мне сделать ещё один лист! Может, помогут издать? А потом – удобно кокнуть. И никаких концов.

Обвинение 7

Чекисты оккупировали улочку Атурим сразу, как я оставил в ней машину и пошёл к рынку.

Атурим с односторонним движением, парковка машин с двух сторон, для проезда остаётся узкая полоса; впереди, по ходу движения, пересекается с узкой улицей Раши, а ещё через два дома выходит на просторную Яффо, на которой я повернул налево к моему любимому рынку.

У чекистов времени предостаточно до моего возвращения. Одну свою машину они припарковали недалеко впереди моей, вторую – недалеко сзади.

Когда я вернулся с покупками и начал выезжать на узкую проезжую полосу, обе машины чекистов выехали вместе со мной, и моя оказалась зажатой между ними. Кавалькада из трёх машин приблизилась к перекрёстку с улицей Раши, и эту улицу слева и справа перекрыли ещё две их машины. Передняя машина из моего эскорта наехала на переходную дорожку, передние её колёса переехали, но задние оказались на самой дорожке, и для перехода улицы остался узкий проход между задом этой машины и передом моей.

Переходил улицу всего один пешеход, остальным мешали чекисты. Пешеход был в плаще и держал зонт. Голова вывернута назад и вверх к крыше трёхэтажного углового дома сзади. Туда ему велели смотреть, чтобы не видел меня, но чтобы я хорошо видел его.

Так вывели на меня Дмитрия Сандлера – душевнобольного, преступника и автора жалобы для суда надо мной.

Как будто бывают авторы кроме кэгэбэ!

И у этой книги автор – кэгэбэ!

Я только успеваю записывать.

Съёмка ведётся из передней, задней, двух боковых машин и с крыши трёхэтажного углового дома.

Первая задумка кэгэбэ: "Ааа! Преступник!" Выскакиваю из машины – дождь будет после дождика в четверг – но меня бьют зонтом!

Чудный спектакль! По телевизору будет очень смешно.

Вторая задумка кэгэбэ: "Ааа! Преступник!" Давить таких! Давлю на газ! Ни им, ни мне его не жаль! Машину жаль!

Страшные кадры! У телевизора люди содрогнутся.

Третья задумка кэгэбэ: "Ааа! Преступник!" Хватаю пистолет и пли! пли! пли! пли! пли! пли! Все шесть из барабана!

Такой сценарий для телевизора прохлопать! Эти идиоты забыли, что сами украли пистолет у меня перед покушением в 2003 году! Ууу!

Возьмут со склада и присобачат к кадрам! Ужас охватит зрителей!

Так промывают мозги.

Пробка уже всамделишная. Когда рассосётся.

Еду в полицию на Русское подворье подать жалобу о провокации кэгэбэ. Жалобу не принимают. Шутят над тем, что для меня серьёзно. Меня знают. Вместе со мной возникает во дворе кружок посудачить. Один полицейский жмётся в поднятый воротник тёплой куртки и хвалится: «Я знаю по этому делу всё!» Интонацией выделяет слово «всё».

Сколько денег угробили чекисты, чтобы дать мне сделать ещё один лист обвинения!

Может, помогут издать?

А потом – удобно кокнуть. И никаких концов.

Лист 5

Задание чекиста – доложить об увиденном, об услышанном доложит техника, а что печатается в компьютере, сразу ложится на их стол.

Обвинение 8

Повестка в суд пришла утром, с доставкой на дом.

Расписался в получении, прочёл «на одной ноге», потому что уже стоял возле двери, и отправился, не в первый раз и не в последний, выяснять с оплатой за воду.

От меня не ожидали такой прыти, поэтому вывели на меня знакомого автобусного чекиста только на обратном пути.

Всю дорогу туда и обратно я напряжённо думал, что было видно на моём лице. Кто знал о повестке, должен был понять, что я этим озабочен. Чекист не должен знать о повестке. Задание чекиста доложить об увиденном, об услышанном доложит техника, а что печатается в моём компьютере, сразу ложится на их стол.

Войдя в автобус, он зафиксировал мою озабоченность и уже выполнил своё задание.

Но я действительно был озабочен всё утро – как повестка отразится на трилогии «Предобвальные будни»? Обдумывал, как закончить первую часть её – книгу «Покушение» и начать вторую часть – книгу «Суд».

Обычно мы подсаживались друг к другу, если рядом было свободное место, а если места оказывались не рядом, но и не далеко, то оборачивались поговорить.

На этот раз всё было не так. Мне было не до чекиста. Он вошёл и встал на соединительном круге удлинённого двойного автобуса, а я сидел в хвосте автобуса. Было много свободных мест, и рядом со мной свободно, а он, единственный на весь автобус, не садился. Если ему сесть лицом вперёд, то я выпадал из его поля зрения. Если же сесть лицом назад, то он будет смотреть на меня и на свободное место рядом со мной. С круга он мог смотреть на улицу, не теряя меня из виду. Я думал о своём, тоже смотрел на улицу.

Своё задание он уже выполнил. Но мог выполнить интереснее, если бы подсел ко мне поговорить за Тору – наша с ним тема под его руководством, потому что я простак, тогда как он знающий. Обычно знающий не упускает случая поучить простака при всякой возможности, которая вот была. Но мы не подошли.

С раннего утра день был по-настоящему дождливый. На мне была куртка и в дополнение к ней складной зонт. А на нём куртки не было, и в руках ничего, то есть это полный провал – пересаживая его в автобус, в спешке забыли причиндалы в чекистской машине.

Царь Давид всю жизнь был благодарен мудрецу за сказанные ему две мудрые фразы.

Мне брать пример с еврейского царя.

Меня они не пожалеют.

Имя мёртвого обольют грязью.

Лист 6

Кэгэбэ копает себе яму – любая их победа приближает обвал. Да здравствует всепобеждающий кэгэбэ!

Обвинение 9

От автобуса я спешу на пересадку на другой автобус. Развиваю спринтерскую скорость, которая мешает ведущему выводить на меня знакомого уличного чекиста. Мешает ещё и красный свет семафоров, задерживая продвижение к цели – на меня. Мешают ещё толпы прохожих.

Я лично никогда не мешаю. И не вставляю палки в колёса – не выключаю переносной телефон, не усложняю работу. Ведь они всё равно должны сделать своё дело. Ну, задействуют ещё чекиста, но ведь сделают – так зачем мешать. И скорость моя спринтерская – редкая возможность размяться, но ни в коем случае, чтобы мешать в работе.

Такое правило было у меня ещё с теми чекистами. Шли мы как-то несколько человек в метро, а чекисты, как водится, ведут нас, тишь и благодать, так один из наших чего-то вдруг дёрнулся в сторону, на эскалатор вниз и получил подсечку по всем футбольным правилам и полетел считать ступеньки. Пришлось потом вразумлять его, что существуют правила хорошего тона. Неписаные. Но их соблюдают. Можно и не соблюдать, но для воспитанного человека это дело чести. Чтобы не уподобляться этой нечисти.

У каждого своя работа – не надо уважать, но зачем мешать?

Кэгэбэ копает себе яму – любая их победа приближает обвал. Да здравствует всепобеждающий кэгэбэ! Зачем мешать? Пусть побеждают.

Вон он, чекист, стоит напротив меня на той стороне улицы, между нами красный свет семафора. Мне его по-человечески жаль. Свою площадку на этой стороне улицы возле Машбира он, опоздав на этот раз, проиграл.

На площадке просторно, на ней он хозяином, обычно как бы невзначай узнаёт меня; окликает, если не замечаю его; задаёт вопрос для затравки, на который интеллигентный человек всегда ответит и что-то скажет. По внешнему виду, по репликам оценивают состояние, настроение, мысли, планы.

Мне даже не жаль подсказать, что у них в компьютере должны быть адреса мест встреч и рядом с адресом – графа: количество встреч по каждому адресу, и с появлением в этой графе цифры «два» вспыхивает сигнал «внимание!», потому что на третий раз понимаешь, с кем имеешь дело. И ещё: хотя бы раз должны показывать, как чекист проходит мимо, не замечает опекаемого.

А сейчас не тотальный проигрыш, который уже состоялся из-за цифры «десять», а технический – чекист опоздал. Нет внезапности, неожиданности, которые облегчают возможность остановить и заговорить. Сейчас – посреди проезжей части – меня не остановить. И не потянуть за собой – чего вдруг? А пойти за мной – явно плохо. Поэтому, на этот раз, он мне кисло улыбается, потому что он в моих руках, как я всегда кисло улыбаюсь им – и там, и здесь, – потому что всегда в их руках.

Он ещё надеется, что я, человек отзывчивый, помогу ему исправить положение, но хоть я и сторонник не мешать, но уж никак не помогать. И когда зажжётся

зелёный свет семафора, и мы пойдём навстречу друг другу, и его руки будут уже готовы протянуться ко мне, если только увидит слабинку в моих глазах, то соберу в комок свой сильный характер, чтобы с кислой улыбкой пройти мимо.

И вот – зелёный свет, и стена людей идёт на стену людей, просачиваются сквозь. И моя кислая улыбка просачивается сквозь кислую улыбку Леонида Якимовского.

А кислой улыбки от всего этого у его жены быть не может, потому что у них, чекистов, почти у всех – жена ушла.

Сегодня женщины стоят выше мужчин, как когда-то в пустыне, за что тогда получили особую хвалу от Всевышнего.

Лист 7

Узнают всегда и сразу, ведь пишу в два компьютера – мой и чекистский, следящий за моим, и рассылаю только кэгэбэ, больше некому.

Обвинение 10

Раз уж в городе, забежать на рынок – святое дело.

В моём духане переходил от лотка к лотку, дошёл до помидоров, выбираю, которые покраснее, для этого переворачиваю, разложенные красной спинкой, на сторону хвостика, где прячется зелёное. После проверки опускаю в мешочек, и рука свободна взять следующий, а тут в мою руку вкладывается чья-то рука. Я человек не злой, всегда пожму протянутую мне руку.

В том кэгэбэ, как-то раз, выскочил из дома по делу, опаздывал, спешил, не умылся, не причесался, досыпал на ходу, а во дворе стоят двое, лица какие-то знакомые, может, пришли предупредить, чтобы не шёл. Протянули ко мне руки, пожал их и, по нашему тамошнему правилу, сказал "шалом". И тут проснулся окончательно и быстро дальше. А они постояли немного в растерянности – и за мной с криком «Михал Шимонович! Михал Шимонович!» Остановился, они догнали и в два голоса: «Михал Шимонович, пройдёмте». С извинительной улыбкой и по-дружески…

И в этом кэгэбэ тоже пожал и лишь потом посмотрел, чья она. Рука была чекистская, она однажды облучала меня в моём духане, а теперь травит – размазала по моей ладони маленькую капельку, которая мгновенно впитывается в кожу и медленно убивает.

– А как у нас с Шариком? – чекист ошарашил меня, когда я вдохновлён помидорной поэзией и реагирую слабо на проблемы этого мира.

Первое впечатление, что чекист немного постарел, а с последней встречи прошло всего полгода. Это случается, когда человек играет не самого себя, и когда игра, которая всех молодит, кончается, то оказывается человек старше. Это как в гримёрной, в которой актёр, спустившийся со сцены, выглядит более старым.

Да и лицо простака сменилось на следовательское.

Игра кончилась, когда узнают про мою писанину. Узнают всегда и сразу, ведь пишу в два компьютера – мой и чекистский, следящий за моим, и рассылаю только кэгэбэ, больше некому. Игра кончилась, а чекист держит сумочку, якобы для покупок – вот именно якобы, потому что пустая. Сумочка нужна была в прошлый раз, о чём прочли у меня.

– Плохо, – отвечаю про Шарика, который всё ещё крутится-вертится над головой. Застигнутый врасплох, я не вру, а уж тем более не вру дальше: – Не желаю разговаривать.

Ответ выразительный, но не художественный, а для правды жизни приходится давать его в книге. Огорчённый своей посредственностью, продолжаю отбирать помидорки. Чекист отваливает от меня, выполнив задание – узнать мою реакцию. За полной уже ненадобностью в системе Станиславского, сумочку не заполняет и идёт к выходу из духана.

А я вслед ему машу рукой над головами покупателей – привет, мол, съёмочной группе. Должны быть где-то поблизости. Привет от артиста, на которого километры плёнки и там, и здесь не угробили (!) – будет учебное пособие по системе Станиславского – до 2018 года надо получать зарплату.

С какими только красотками меня не щёлкали! Там они были все под Марину Влади, а здесь – с пляжа Тель-Барух. В юбочке короче трусиков, а рука, поднятая с пелефоном к уху, задирает её выше некуда, да ещё наклоняется к окну машины, а я выезжаю с опустевшей стоянки торгового центра моего Рамота-алеф.

– Одну минутку, – говорит и пелефону, и мне, – меня – в Рамот алеф.

– Это Рамот алеф, – отвечаю.

Согласно кивает головой и поясняет:

– Мне туда, – машет рукой в направлении движения машины.

Согласный мой кивок и крупным планом то, откуда торчат её ноги, – говорят телезрителю, что договорились о цене. Ещё несколько слов диктора дополнят портрет убитого. А то, что она осталась одинёшенька на пустой стоянке, – дополнительная краска к портрету убитого: высадил её в безлюдном месте подальше от свидетелей.

Когда приехал на эту стоянку и выходил из машины, сбоку приткнулась машина поперёк моей (как будто нет больше мест), а в ней человек с заданием на лице. Смотрел на него в упор, а он потёр нос.

Так что хотели сказать рукопожатием чекиста? Втёрли убийственную капельку – это само собой – трудовые будни. Но главное – демонстрация силы: вот – твоя рука пишет и без толку, а вот – наша рука Лейба Шварцмана – жива. И кто в чьей руке?

А через неделю ещё демонстрация – благополучия в чекистских рядах, чтобы подорвать морально мои силы. В моём районе вхожу днём в пустой автобус на первой остановке после конечной, а облучатель-отравитель сидит на видном месте, благодушен, одна рука возлежит в открытом окне, вторая покоится на спинке свободного рядом сидения, рубашка белая с короткими рукавами, кипочка чёрная. Я бы внёс маленькую поправочку в реквизит – в этом районе для взрослого дяди с чёрной кипочкой короткие рукава не по возрасту. А вот с демонстрацией благополучия неувязочка – явно спешили, иначе не завозили бы чекиста из другого района на конечную остановку.

Я-то пройдусь и по второму разу, и по третьему, но мне бы и по другим чекистам разок пройтись, пока не кокнули – кто их знает когда.

Лист 8

А моё убийство повесят на одного из неказистых – всё равно ему сидеть за то, на чём его взяли.

Обвинение 11

А ещё через неделю новая демонстрация – на этот раз наглости.

Первая годовщина смерти Учителя. Тихохонькие стоят ученики у входа в его дом. Подхожу, как всегда озабоченный своим: кого-то надо найти и о чём-то спросить. А за спиной чекист громко нарушает святость момента: «И не здоровается!»

Я не оборачиваюсь.

Это он много лет назад занял у меня деньги. И долго не отдавал. Я требовал. Наконец он позвонил, что отдаст возле центральной автобусной станции. Завёл меня за какие-то сараи. Оказалось, что с ним ещё двое, неказистые, неприметные. Там он протянул ко мне руку с деньгами. Я взял и считал. Получалась выразительная съёмка. Диктор не будет долго останавливаться на показанном. А моё убийство повесят на одного из неказистых – всё равно ему сидеть за то, на чём его взяли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/babel-_mihael/sud

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить